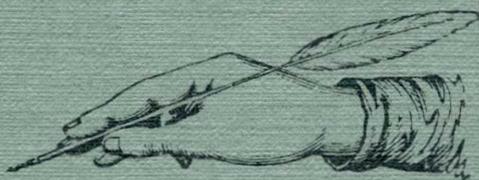

Н. А. Кожевникова

ИЗБРАННЫЕ РАБОТЫ ПО ЯЗЫКУ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ББК 81.2Рус-3
К 58

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 07-04-16078

Кожевникова Н. А.

К 58 Избранные работы по языку художественной литературы / Сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; Под общ. ред. З. Ю. Петровой. — М.: Знак, 2009. — 896 с.

ISBN 978-5-9551-0317-4

Предлагаемая книга ставит своей целью дать более полное представление о научном наследии Н. А. Кожевниковой, выдающегося ученого-филолога. В ней собраны статьи Н. А. Кожевниковой, которые относятся к трем крупным направлениям ее научного творчества: звуковой организации текста, компаративным тропам и синтаксису художественного текста.

В книге представлены работы, где рассматриваются определенные явления, характерные как для художественной речи в целом, так и для различных индивидуальных стилей: Пушкина, Гоголя, Тютчева, Фета, Бунина, Ахматовой, Волошина, Мандельштама, Цветаевой и др. В отдельные подразделы выделены работы, посвященные лексикографическому описанию паронимов и компаративных тропов.

Книга может быть полезна для исследователей языка художественной литературы, истории русского литературного языка, для преподавателей и студентов ВУЗов, а также для широкого круга читателей, интересующихся языком поэзии и художественной прозы.

81.2Рус-3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0317-4

© Н. А. Кожевникова, наследники 2009
© Знак, оригинал-макет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей 9

ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Из наблюдений над звуковой организацией стихотворного текста	15
Об одном приеме звуковой организации стиха	29
Об одном типе звуковых повторов в русской поэзии XIII — начала XX в. . .	45
О способах звуковой организации стихотворного текста	69
Звуковая организация стиха. Паронимическая аттракция	97
Звуковая организация текста	225
О паронимии в русской прозе	253
Звуковая организация в произведениях А. С. Пушкина	263
Звуковая организация поэзии А. Фета	299
О звуковой организации стихотворений М. А. Волошина	307
О звуковой организации стихов О. Мандельштама 1935—1937 гг.	315
Звуковые повторы в стихах А. Ахматовой	319
Звуковые повторы в прозе А. П. Чехова	337
Звуковые композиции в прозе М. Цветаевой	347
Звуковые композиции в стихах Ф. И. Тютчева	359
Звуковые композиции в стихах И. Бунина	381
Материалы к словарю паронимов русского языка (совместно с В. П. Григорьевым, З. Ю. Петровой). Предисловие	399
О словарном описании паронимии (совместно с З. Ю. Петровой)	409

КОМПАРАТИВНЫЕ ТРОПЫ. МЕТАФОРЫ И СРАВНЕНИЯ

Из истории цветообозначений в художественной речи XIX—XX вв. (совместно с Л. М. Грановской)	415
Необычные сочетания с цветовыми прилагательными.	427
Об обратимости тропов	439
О повторе тропов в художественных текстах	449
О роли тропов в организации стихотворного текста	455
О соотношении тропа и реалии в художественном тексте	473
Тропы и грамматические структуры	499
Эволюция тропов	531
Гнезда тропов русской литературы XIX—XX вв.	601
Об одном типе глагольных метафор	605
О метафорической номинации персонажей в художественных текстах . . .	613
Об одном гнезде тропов	621
Образная параллель <i>строение — человек</i> в русской литературе XIX—XX вв.	625
Тропы в поэзии Пушкина	639
Тропы и реалии в стихотворной речи А. С. Пушкина	641
О тропах в поэзии Пушкина	647
О тропах в прозе Н. В. Гоголя	663
Метафоры А. Фета	673
О тропах в поэзии И. А. Бунина	685
Сквозные образы в прозе И. А. Бунина (совместно с Н. А. Николиной) . . .	695
Метафоры и сравнения в стихах И. А. Бунина	701
О тропах в стихах М. А. Волошина	715
Типы тропов в стихах М. Волошина	719
Тропы О. Мандельштама	723
О тропах в стихотворениях О. Мандельштама	725
О соотношении прямого и метафорического словоупотребления в стихах В. Хлебникова	737
О варьировании тропов в прозе Е. Замятина	743
Тропы в прозе А. Платонова	753
Словарь метафор и сравнений русской литературы XIX—XX вв. (совместно с З. Ю. Петровой)	763

Метафоры и сравнения как объект лексикографического описания (совместно с З. Ю. Петровой)	771
Материалы к словарю метафор и сравнений	779

СИНТАКСИС ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Симметричные и асимметричные конструкции в синтаксисе лирики	785
Смещение синтаксической перспективы	813
Словообразовательный повтор в художественном тексте (совместно с Н. А. Николиной)	823
Симметричные конструкции в поэзии А. С. Пушкина	835
Конструкции типа «Город пышный, город бедный»	839
Конструкции перечисления	851
Библиография научных работ Н. А. Кожевниковой (составители Н. А. Кукушкина, А. Г. Степанов)	875
Сводный список сокращений	891

От составителей

Предлагаемая книга ставит своей целью дать более полное представление о научном наследии Н. А. Кожевниковой, выдающегося ученого-филолога. Она автор многих книг по различным аспектам языка русской художественной литературы: «Словоупотребление в русской поэзии начала XX века» (1986), «Язык Андрея Белого» (1992), «Материалы к словарю паронимов русского языка» (1992, в соавторстве), «Типы повествования в русской литературе XIX—XX вв.» (1994), «Язык и композиция произведений А. П. Чехова» (1999), «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX—XX вв.» (Вып. 1. «Птицы») (2000).

Уже перечень этих монографий отражает разнообразие филологических проблем, которыми занималась Наталья Алексеевна. Всю свою жизнь она исследовала и поэзию, и прозу. Ее кандидатская диссертация (1979 г.) была посвящена речевым разновидностям повествования в русской советской прозе. В исследования русской прозы входят и работы, посвященные языку многих русских писателей XIX—XX вв. — Тургенева, Аксакова, Достоевского, Гоголя, Лескова, Чехова, Бунина, Платонова, Булгакова, Белого, Куприна, Л. Андреева, Замятина и др., языку орнаментальной прозы.

Столь же широк диапазон поэтов, язык которых изучала Наталья Алексеевна. В круг ее интересов входили как отдельные поэты XVIII—XX вв. (Сумароков, Пушкин, Тютчев, Фет, Блок, Белый, Бунин, Хлебников, Волошин, Мандельштам и многие другие), так и целые поэтические направления: язык символистов подробнейшим образом описан в уже упоминавшейся книге «Словоупотребление в русской поэзии начала XX века», язык русских поэтов-эмигрантов (наряду с языком эмигрантской прозы) стал предметом ее изучения в разделе коллективной монографии «Русский язык зарубежья» (М., 2001).

Наталья Алексеевна всегда обращала внимание на языковые явления, общие для поэзии и прозы: звуковая организация текста, тропы, повторы разных типов, различные синтаксические явления (в частности, симметричные и асимметричные конструкции в тексте, конструкции перечисления).

Все исследования Натальи Алексеевны отличаются четкостью поставленных задач, чрезвычайной широтой описываемого языкового материала, исчерпывающей полнотой описания.

Последовательница Виноградовской школы в языкознании, она рассматривает художественный текст во всей его сложности и во всем его разнообразии, не разрывая связей между его элементами, изучает язык писателя в единстве его уровней и в связи с мировоззрением автора, ставит изучаемые явления в языке художественной литературы в контекст литературного процесса в целом. Ее книги о языке А. Белого и о языке А. П. Чехова стали образцами описания идиостиля писателя, достойным продолжением идей и методов исследования В. В. Виноградова «Язык Пушкина».

Наталья Алексеевна — исключительно продуктивный исследователь и по количеству написанных ею работ, и по тем научным идеям, которыми изобилуют эти работы. Ею созданы фундаментальные труды, в которых подробно описываются явления всех уровней языка художественной литературы: звуковая организация текста, паронимическая аттракция, различные характеристики словоупотребления в поэзии и прозе, образная структура художественного текста и идиостиля, типы повествования в языке художественной литературы и др. Многие из этих трудов стали уже классическими; ссылки на них можно встретить в работах множества отечественных и зарубежных филологов; они широко используются в преподавательской практике.

В ряде работ Н. А. Кожевникова исследует эволюцию различных явлений в языке художественной литературы на протяжении больших периодов времени. Так, ею рассматриваются явления звукового уровня в языке русской поэзии XX века («Очерки истории языка русской поэзии XX в.». Т. 1. М., 1988), описываются основные направления эволюции компаративных тропов на протяжении двух веков («Очерки...»: Т. 3).

Многие из исследуемых ею проблем можно отнести к ее научным открытиям. Больше всего их встречается при описании компаративных тропов — метафор и сравнений. Это, например, проблематика соотношения тропа и реалии, тропов и грамматических структур, семантических связей тропов, явление обратимости тропов. В области поэтического синтаксиса ею было открыто явление «смещения синтаксической перспективы», специфическое употребление форм творительного падежа существительных в поэзии.

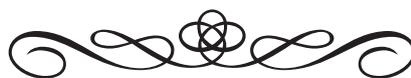
Четкость лингвистических классификаций и полнота описания языковых единиц закономерным образом привели к тому, что некоторые исследования Н. А. Кожевниковой стали основой словарных описаний соответствующих единиц. Ее идеи и собранный ею материал легли в основу «Материалов к словарю паронимов русского языка» (М., 1990), «Материалов к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX—XX вв.» (на сегодняшний день вышел первый выпуск словаря, «Птицы» (М., 2000)).

Надо сказать, что написав огромное количество блестящих филологических трудов, Наталья Алексеевна всегда оставалась удивительно скромным челове-

ком. Возможно, поэтому многие из ее работ опубликованы небольшим тиражом в разнообразных малодоступных «периферийных» изданиях. Мы решили собрать эти работы воедино. В данной книге представлены статьи Н. А. Кожевниковой, посвященные трем крупным разделам ее научного творчества, соответствующим основным уровням языка художественной литературы: «Звуковая организация художественного текста», «Компаративные тропы. Метафоры и сравнения» и «Синтаксис художественного текста». В двух первых разделах собраны работы, где рассматриваются определенные явления звукового и тропеического уровней, характерные для художественной речи в целом, а также звуковым особенностям и функционированию метафор и сравнений в различных индивидуальных стилях: Пушкина, Гоголя, Тютчева, Фета, Бунина, Ахматовой, Волошина, Мандельштама, Цветаевой и др. Внутри каждого раздела статьи располагаются по времени появления в печати. В конце книги приводится сводный список сокращений фамилий поэтов, приведенных в скобках после цитат.

Мы надеемся, что эта книга поможет сохранить память о Наталье Алексеевне Кожевниковой и будет полезной филологам-исследователям языка художественной литературы, студентам и преподавателям.

**ЗВУКОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА**

Из наблюдений над звуковой организацией стихотворного текста*

Звуковая организация стиха представляет собой иерархию звуковых повторов разной значимости и глубины. Звуковые повторы, которые изучал О. Брик¹, представляют собой разные явления: они или отражают звуковое строение строки вне зависимости от ее членения на слова, или связывают определенные слова. Этот тип повторов в свою очередь распадается на две группы: слова одной группы независимы друг от друга — они могут относиться к разным предложениям, стоять на стыке строф и т. п. Слова второй группы синтаксически связаны: «Родился в *тесных я стенах*»; «*Взор покраснел, как зарево заката*» (Л.) и т. д.

Оба типа звуковых повторов, связывающих слова, включают в себя слова определенного строения, которое применительно к паронимии — смысловому сближению близкозвучных слов — описано в работе В. П. Григорьева «Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в.»². В дальнейшем повторы такого типа будут называться глубокими аллитерациями, чтобы термин «пароним» не вызывал представления о паронимических, смысловых связях между ними.

Два типа отношений между словами, объединенными в строке или рядом стоящих строках, отражают две разные тенденции — с одной стороны, сближение рядом стоящих слов на основе звуковой близости, с другой — звуковое сближение слов, связанных по смыслу. Именно эта вторая позиция особенно существенна, так как в ней звуковое сближение слов — потенциально и реально — может свидетельствовать о возникновении нового явления — семантизации звука.

---

* Публикуется по: Проблемы структурной лингвистики, 1979. М., 1981. С. 181—194.

¹ Брик О. Звуковые повторы // Поэтика. I—II. Пг., 1919. С. 58—98.

² Григорьев В. П. Паронимическая аттракция в русской поэзии XX в. // Сб. докл. и сообщ. лингвистического общества. Калинин, 1975. С. 131—164. В дальнейшем используются положения этой статьи.

Обычно при изучении звуковых повторов речь идет о строке или соседних строках, в то время как это только одна из возможных позиций. Кроме повторов в строке, часто встречаются рассеянные, дистантные повторы, которые, образуя пары и ряды, могут становиться звуковым лейтмотивом стихотворения или одним из сквозных звуковых рядов.

Этот способ организации стиха, почти не привлекавший внимания исследователей, встречается в стихах самых разных поэтов XVIII—XX вв. — вне зависимости от школ и направлений. Как относительно последовательный прием организаций текста дистантный повтор применяется уже у Тредиаковского и Ломоносова, у которых нетрудно найти и большое количество перекликающихся глубоких аллитераций в строке или в соседних строках.

Одна из разновидностей рассеянного повтора — слова, связанные смысловыми связями. Оторванные друг от друга слова соотносятся как субъект и предикат: *волк — поволок, скворушка — верещит* (Кр.), *поэт — поет* (П.), *оборотень — бродит* (Мей), *пальмы — зноем палимы, скала — склонилась* (Л.); сказуемые при разных подлежащих: «То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он *трубит*... Увертливи наш Комар, да он же и не *трусит*! ... Лев голову крутит, Лев гривой *трясет*» (Кр.); «В церкви Спаса они *братовались*»; «Два могучие *беи побранились*»; «С того времени он, тоскуя, *бродит*» (П.).

Иногда общностью звукового состава объединены обозначения одного и того же лица: *крестьяне — странники* (Н.), *работник — батрак* (Кр.), *великан — как волк* (Ж.), *колодник — колдун* (Гоголь), *варяги — враги* (А. Т.). Звуковой близостью связаны определение и определяемое: *чумаки — чумазые* (Кольцов), *демон — надменный* (Л.).

Таких случаев сравнительно мало, в то время как рассеянные повторы, не связанные смысловыми связями, — явление широко распространенное.

Синтаксически связанные пары и слова, объединенные звуковой близостью, могут находиться в небольших отрезках текста: «Вот сошла — и у *канавы* На обломки серой лавы Ставит *кованый кувшин*» (Пол.); «И долго *кованый кувшин* Волною *звонкой* наполняла» (П.); «Так няня в лес ребенка заведет И спрячется сама за *куст* высокий»; «Встревоженный, он ищет и зовет, И мечется в *тоске жестокой*» (Н.); «Весенний день глядел в окно так *весел*. Висела пара форменных штанов С мундиром купно через спинку *кресел*» (А. Т.).

В пары и в ряды могут быть включены все слова — и полнозначные и служебные, и аппеллятивы, и собственные имена. Служебные слова, в первую очередь предлоги, могут примыкать к консонантному составу слова — так происходит наращение группы согласных: «*Клонит к лени* полдень жгучий» (А. Т.); «*Впереди*, как бы в *параде*» (Мятлев); «Лишились всей *красы* и брошены на двор, *Как сор*» (Кр.); «И в *зрелых* жатвах круговины Глубоко *врезали* серпы» (Ф.).

К консонантному составу слова могут быть присоединены не только предлоги, но и полнозначные короткие слова: «И глаз, что скрывает на дне *Тот ржавый* колючий венок В *тревожной* своей тишине» (Ахм.); «*Так резко-сух* снотворный и *трескучий* Кузнечиков неугомонный звон» (Ф.).

В рядах повторяется та же картина: *на свете, с виду, виденье, видел... дева, ни святому, проводил, пресвятой, не ведал* (П. «Жил на свете рыцарь бедный»), *дум, демон, пред ними, подымал* (П. «В начале жизни»).

У поэтов XVIII—XIX вв. встречаются синтаксически связанные глубокие аллитерации вокалического и метатетического типа: «Вослед за *скорыми кормами*», «В защиту *дружеских держав*», «*бугристы берега*» (Лом.); «Сильный где, храбрый, быстрый *Суворов? Северны* громы в гробе лежат» (Д.); «*Меня твой престол не прельстит*»; «*пворный вороненок*» (Ж.); «*Гниет он и гнется* от бурь и дождей»; «Как *Ариадна, преданная* гневу» (Л.); «*Негодюя, гудя* и на бой созывая» (А. Т.); «*Покорны* солнечным лучам, Так сходят *корни* в глубь могилы»; «*Без клятв и клеветы* ребячески невинной»; «*глаза твои газельи*» (Ф.); «*То брезжит* тихою звездой, *То брызжет* молнией огнистой» (Майков) и т. п.

Некоторые глубокие аллитерации у поэтов XIX в. явственно перекликаются с подобными же парами, получившими распространение в поэзии символистов, которые предваряют развитие паронимии в XX в.: «в *голубой глубине* Средиземного моря» (Ж.); «Все желтые *скелеты* веселятся Без глаз, без щек, без носа, без ушей, И *скалят* зубы» (Ф.); «Чем *дерево дворянское Древней*, тем именитее, Почетней дворянин» (Н.). В поле зрения поэтов попадают не только вокалический и метатетический типы созвучий, но и, хотя и чрезвычайно редко, их консонантный тип, связанный с меной начального или конечного согласного: «Только что *пан* окровавленный *Пал* головой на седло» (Н.), или согласного в середине слова: «Как их брови *соболины*. Полный искр *соколиий* взгляд» (Д.); «...Бровь черная у *соболя*, У *соболя* сибирского, У *сокола* глаза» (Н.).

«Паронимическое гнездо» (В. П. Григорьев) можно представить себе в виде иерархии, которая создается переходами от двухконсонантной группы («корня») к трехконсонантной, от трехконсонантной к четырехконсонантной и т. д. Наиболее активны трехконсонантные группы, к которым тяготеют и двухконсонантные и четырехконсонантные группы.

Появление нового согласного влечет за собой появление нового ряда слов: *лань, луна, лень, олень, лоно, лунь, улан, нуль* — *клен, слон, плен, тлен, глина, долина, волна* и т. п. Место согласного не закреплено: он может стоять и в начале или в конце слова, он может стоять и в середине слова, между двумя совпадающими согласными. Двух-, трех- и четырехконсонантные слова постоянно взаимодействуют друг с другом, в результате чего один, а иногда и два согласных не имеют соответствия. Если «лишний» согласный стоит в начале или конце слова, он представляет собой «остаточный аффикс». Если согласный стоит между совпадающими согласными, возникают пары слов эпентетического типа: «Забыл он свою *мастерскую*, Свою *Богоматерь* забыл» (А. Т.).

Наращения согласных в одном сочетании соответствуют вставке согласных в другом: «А *скала* таким протяжным стоном жалобно *сказалась*» (Пол.), ср.: «по крутым *скалам* *скользить*» (П.); «Схожу, *скользя*, уступом *скользких скал*» (Бл.).

Эпентетический тип сочетаний — следствие свободного передвижения согласных, то есть своеобразная разновидность метатетического типа. Пары слов, кото-

рые в одном тексте представляют собой эпентетический тип, в другом тексте могут иметь полную пару с метатезой согласного: *печаль — полночь, печальный — полночный*, ср.: «Моя *печаль* в *полночной* дали» (Сологуб); «обряд *печальный* Совершая в *полуночный* час» (Т.).

Некоторые группы согласных последовательно включаются в сочетания эпентетического типа. Это группы *ч-т / ч-с-т*, *к-р-т / к-р-с-т*, *п-р-т / п-р-с-т*: «В *корыте* много ль *корысти*?» (П.); «*корысть* себя личиной дружбы *кроет*» (Кр.); «*Перекресток*, где *ракушка*» (Ф.); «Южный *Крест*, загадочный и *кроткий*» (Бунин); «*почетом* и *честью*» (Мей); «С сердцами *чистыми*, как месяц *полуночи*, С душою *чуткою*, как пенье *вещих муз*» (Ф.); «*Прости, приют* уединенный!» (П.).

Пары с другими группами согласных встречаются сравнительно редко. Например, *г-д / г-р-д*: «*Грядущие годы* таятся во мгле» (П.), *г-р-д / г-р-м-д*: «Темной и сонной, но чутко уснувшей каменной *грудой* На небе облачном еле виднелась *громада* собора» (Мей), *г-р-т / г-р-м-т*: «У неостывшего гнезда Ночная песнь *гремит* и тает. О, погляди, как та звезда *Горит, горит* и потухает» (Ф.), *г-р-д / г-р-з-д*: «*грудой* кудрявых *груздей*» (Майков), *г-р-м-д / г-р-м-з-д*: «*Громады* скал *нагромоздить*» (Л.).

Некоторые группы согласных, включающиеся в пары эпентетического типа, сочетаются с очень ограниченным количеством слов. Немногочисленны и четырех-, и двухконсонантные слова: *л-к / л-с-к*: «но *ласкающий лик* был луной озарен» (Брюсов); *с-к-л / с-к-к-л*: «Как часто по *скалам* Кавказа Она Ленорой, при луне, Со мной *скакала* на коне» (П.); *с-к-л / с-т-к-л*: «как из *стекла* литые, Идут бугры волны, По ним *скользит*, колышется медуза» (Бунин).

Слова с двухконсонантными группами сочетаются со словами с тремя или четырьмя согласными, при этом одни и те же двухконсонантные слова обращены к словам с разными трехконсонантными группами: *л-н / т-л-н, б-л-н, в-л-н*: «Гуляет *вольная луна*» (П.); «Все под *луною тленно*» (Ж.); «*Убеленные луной*» (Т.). Соответственно одни и те же трехконсонантные группы обращены к разным двухконсонантным группам: *в-л-с / л-в / л-с*: «И *весел лес* своей молодой одеждой» (Бар.); «*Власы* ее как *черный лес*»; «*слово барской воли*» (П.); *в-л-н / в-л, л-н*: «*Выли* *огненные волны*» (Яз.); «*лоно волн*» (П.).

Одни и те же трехконсонантные группы соотносятся с несколькими разными четырехконсонантными группами: *с-т-к / к-р-с-т-с-т-к-л*. Четырех- и пятиконсонантные группы располагают еще большими возможностями, чем трехконсонантные, так как они соотносятся и с разными трехконсонантными, и с двухконсонантными группами.

Многоконсонантное слово приобретает соответствия, в которых его консонантный состав отражается по-разному: «*тусклое стекло*» (Л.); «*Стакан*, кипящий белой пеной, И *стук* блестящего *стекла*» (П.); «То *стеклянная стена* О скалы раздроблена» (Яз.); «Мне нужен *талый* снег под желтизной огня, Сквозь *потное стекло* *светящего устало*» (Ан.).

Помимо сочетаний, в которых состав согласных совпадает, встречается множество сочетаний, которые характеризуются своеобразными отношениями согласных:

слову с глухим / глухими согласными соответствует слово со звонким / звонкими согласными.

Гласные в обоих словах могут совпадать: «*Терзать* да не дерзнет Борей»; «Рок кровью присудил лице земли багровить» (Лом.); «Мне бремени сегодня ни снести, ни пременить» (Тр.); «Неспоры сборы» (Бар.); «Утюжат Прова дюжего» (Н.); «*гри-вастая кривая*» (Цветаева); «*шлюзы жалюзи*» (Пастернак). Они стоят в одном ряду с сочетаниями, которые характеризуются меной согласных, не противопоставленных по звонкости — глухости: «*Мраз срязит*»; «*Отравы нрав* свой чему злый не сообщает»; «Но и *времен* дивна не меньше есть *премена*» (Тр.); «*благоприятны влаги*» (Лом.); «*Машин* и *башен* сам строитель»; «*Славой шумные главы*» (Д.).

Подавляющее большинство сочетаний, встречающихся в поэзии, характеризуется не только изменением согласных, но и изменением гласных. По этому принципу слова объединяются и в обыденной речи: *голос ласковый, глаза ласковые, отворить дверь, брить бороду* и т. п. В поэтической речи множество сочетаний такого типа: «*Вулкан растворил слоновые створчатые двери*» (Тр.); «*Мой голос для тебя и ласковый и томный*» (П.); «*Слышу ли голос твой Звонкий и ласковый*» (Л.) и т. д.

Сочетаются слова, содержащие свистящие (з, с, ц), шипящие (ш, ч, щ, ж), заднеязычные (г, к, х) и б/п, д/т, сочетания слов с в/ф чрезвычайно редки¹.

Группа опорных согласных существует в разных вариантах: глухом, звонком и смешанных, количество которых зависит от количества и качества согласных: т-м-н, д-м-н; м-л-т, м-л-д; к-л-н, г-л-н, х-л-н; м-г-л, м-к-л, м-х-л; к-р-м, г-р-м, х-р-м; п-л-т, п-л-д, б-л-п, б-л-д; п-л-ч, п-л-ш, п-л-ш, п-л-ж, б-л-ч, б-л-ш, б-л-ж, б-л-ш.

Наиболее активны слова с тремя опорными согласными, возникшие на основе двухконсонантных групп, которые сами по себе обладают малой активностью, но приобретают ее потому, что входят в трехконсонантные созвучия. Слово с каждым из вариантов определенного квазикорня способно вступать в сочетание с тем же вариантом «корня» (с тем же набором согласных) — при всех возможных вариантах их порядка, и со словами, содержащими любой из вариантов квазикорня, также при всех возможных вариантах их порядка. Возникают приблизительные и размытые созвучия, которые встречаются чаще, чем чистые глубокие аллитерации.

л-т / л-д: «*лютых* от меча *людей*» (Тр.); «*телом оделись*» (П.); «*О, дали лунно-талые*» (Ан.); «*лители медовый ладан*» (Ес.).

в-л-т / в-л-д / ф-л-т: «*Не видел он, воитель дивный*» (Т.); «*Иль урну хладную вращая водолей Валит шумящий дождь*» (Бат.), при рассеянном повторе: «*Славная флейта, Феон, здесь лежит — Славил и Ватала он, молодого красавца*» (П.).

с-л-т / с-л-д / з-л-т / з-л-д / ц-л-т: «*Горы золота сулит*» (П.); «*Но что же-вдруг тебя волнует, Твой сон ласкает и целует И золотит твои мечты?*» (Т.); «*Край полы у султана целует*»; «*Вползет окровавленное злодейство, И руку будет мне лизать*» (П.).

¹ Сходным образом сгруппированы согласные в статье: Шаламов В. Т. Звуковой повтор — поиск смысла // Семиотика и информатика. М., 1976. Вып. 7. С. 135.

к-л-т / к-л-д / г-л-т / г-л-д / х-л-т / х-л-д: «Телега раскатилась; Коня толкает взад» (Кр.); «Между тем, как он далеко Бьется долго и жестоко»; «Долго ль мне гулять на свете»; «Кладезь холодный Иссяк и засохнул в пустыне безводной» (П.); «Глощает хладную струю» (Бар.); «Да и свой-то клад девичий Нынче ночью прогадала» (Мей); «Как кладбище, усеян сад В берез изглоданные кости» (Ес.).

п-л-т / п-л-д / б-л-т / б-л-д: «Для моего чела венец плетут Плеады» (Пол.); «Уже полдневная пора Палит отвесными лучами» (Т.); «как стая лебедей, Белеют корабли» (Бат.); «И над болотом, меж кустов, Огни блудящие спешат Укрыться от дневных огней» (Л.); «А над болотом проклятый звонарь Бил и будил колокольную медь» (Бл.); «Болтунья старая, затем Она, подъявля крик нахальный, Плодит в полемике журнальной...» (Бар.).

р-т / р-д: «в рядах отечественной рати» (Т.); «*рать* — орда крестьянская» (Н.).

в-р-т / в-р-д / ф-р-т: «возвратиться безвредно» (Ж.); «Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли»; «На укоризны мы Фортуне тароваты» (Кр.); «Ветер свищет и ревет И с коляски фартук рвет» (Мятлев); «Поросли двory травы» (Л.). Часто связываются слова *ветер, трава, дерево*.

м-р-т / м-р-д: «под миртом изумрудным» (Л.); «Где дремлют мертвые в торжественном покое» (П.); «Великолепные, бессмертные громады» (Бар.).

г-р-т / г-р-д / к-р-т / к-р-д: «Он грядет, уже алтарь горит» (Ж.); «Стерегут его недруги злые»; «Терек играет в свирепом веселье»; «И кедров гордые вершины» (П.); «Хлебных скирд золотоверхий град» (Бар.); «кудри виноградных лоз» (Л.); «за грядой ее крутою» (Ф.); «Осенний холод ласково и кротко Крадется мглой к овсяному двору» (Ес.).

р-с / р-з / р-ц: «русская роза» (П.); «росой обрызганный душистой» (Л.); «царица-роза» (Ф.).

к-р-с / к-р-з / г-р-з: «Гусару дева молодая Уже покорствуеет во всем» (Бар.); «Великость, слава, красота... Все стало бедной горстью праха» (Ж.); «Горстями златых затонов Мы окропим твой крест» (Ес.); «Дорогой на скалу, где грезит крест литой Над просветленною страданьем красотой» (Ан.); «О, если б эта грусть могла пройти порывом, Как в теплую весну пролетная гроза» (А. Т.); «И грозды полные на них, Серег подобье дорогих» (Л.).

п-р-с / п-р-з / б-р-с / б-р-з. Сочетание Пушкина «презренная проза» соотносится с сочетаниями «простая проза» у Жуковского и «пресная проза» у Вяземского. Слова *презренье, проза, праздный, простой, нестрый* сочетаются у Пушкина в разных комбинациях: «Презреньем, просьбами, тоскою»; «И Фебовы презрев угрозы, Унижусь до смиренной прозы»; «Нас мало избранных, счастливых праздных, Пренебрегающих презренной пользой»; «Нива праздно перезрела»; «Извольте мне простить ненужный прозаизм»; «Тьфу, прозаические бредни, Фламандской школы нестрый сор» и т. д.; ср.: «Лишь паутины тонкий волос Блестит на праздной борозде» (Т.).

в-с / в-з: «Хоть высоко, но ты на привязи летаешь» (Кр.); «Фонтан на воздухе повис» (Т.).

с-в-т / з-в-т / с-в-д / з-вд / цв-т: «с голубого своду Нездешним светом веет нам» (Т.); «заветная святыня» (Ж., Ф.); «цвет завета» (Ж.); «Коснулся высоты завет-

ной»; «Небесный свод, горящий славой звездной»; «Чуткие звезды глядят с высоты» (Т.); «И в этих заводах огонь Весенних светит облаков»; «С воздушной высоты»; «Раздражал я воздух свистом» (Ф.).

в-с-н / в-з-н / в-н-ц: «Венцем зеленым увязенна» (Лом.); «Свинец врага в его вонзился грудь» (П.); «Весны венцом венчалось лето» (Д.).

к-л-н / г-л-н / х-л-н: «Ты не гнула крепкой выи В бедовой твоей судьбе: Разве пасынки России Не поклонятся тебе!» (Ф. Глинка); «У Гальяни иль Кольони» (П.); «Все, что кануло и сгнуло» (Н.); «К решеткам хлынули каналы» (П.); «Гнала и буйного нахала» (Т.).

к-л-к / г-л-к / г-л-х: «Колокольчик наш заглох» (Вяз.).

к-л-с / г-л-с / х-л-с / к-л-з / г-л-з / х-л-з / к-л-ц / г-л-ц / х-л-ц: «глаза погасли» (Пол.); «Глаз свое выделявал, Вертелся колесом» (Н.); «Услышишь горлиц воркованье И Гальционы тихий глас» (Бат.); «Сивого сокола там заколола» (П.); «Искала слов, не находила, И сохла, сохла с каждым днем» (Т.); «На языке легка и ласка, и услуга» (Кр.).

к-л-в / к-л-ф / г-л-в / г-л-ф / х-л-в / х-л-ф: «Хвалу и клевету приемли равнодушно»; «Ворон стал клеветать да похваливать» (П.); «Ты залила б, как влагою целебной, Волкан стихии грозной и слепой» (Ап. Григорьев).

к-р-м / г-р-м / х-р-м: «во мраке храма»; «И хмурится угрюмо в облаках»; «В померкшей комнате твоей Врачи угрюмые шептались» (П.); «Чу, за тучей прогремело, Принахмурилась земля» (Т.); «Так храм оставленный — все храм, Кумир поверженный — все бог» (Л.); «угрюмая каморка» (Н.).

р-п / р-б: «И рошиет бор» (П.); *к-п / к-б*: «громокипящий кубок» (Т.).

к-р-п / к-р-б / г-р-б / г-р-п / х-р-п / х-р-б: «И гроб безвременный любовь кропит слезой» (Ж.); «ни чьей слезой Забвенный прах не окропится» (Бат.); «Покрыты пламенем и прахом» (П.); «мой прах непогребенный» (П.); «Мрамор гробницы его — В скорбной толпе кипарисов» (Бунин); «Где мой насущный хлеб Слезами скорби не кропился» (Бат.).

п-т / п-д / б-т / б-д: «всю бедность бытия» (Бат.); «на перепутьи бытия» (Бар.); «путь опыта и бед» (Ж.); «крылами бьет беда» (Бл.); «Копыты, хоботы кривые» (П.).

б-с / п-с: «Не пес, а бес четвероногий» (Т.); «Лукавый бес опасен» (Ж.); «Мы это басней поясним» (Кр.).

л-с / л-з / л-ц: «Он сеял зло без наслажденья» (Л.); «Все упорнее усилья, Все назойливее зло» (Т.); «Лес, подняв лицо, Пел вместе с лугом» (Заболоцкий).

к-р-л / г-р-л / х-р-л: «И рубяся, корились, ругались» (А. Т.); «Крылышками движешь, трепещешь, Колокольчиком в горлышке бьешь» (Д.).

б-л / п-л: «обильные поля» (Лом.); «В белом поле был пепельный бал» (Ан.); *п-л-м / б-л-м*: «Колелемы вихрем и зноем палимы» (Л.); *п-л-н / б-л-н*: «Оно — тяжелый бред души твоей больной Иль пленной мысли раздраженье» (Л.); «Меня пленяет вихорь бальный» (Ф.).

к-н / к-н: «окна ее, как огни» (Ж.); *к-н-т / г-н-т / х-н-т*: «Донага всего его раздели, Атаганом ему кожу вспороли» (П.); «закинутый хитон» (Ф.).

Большую группу слов организуют согласные, в состав которых входят шипящие: при сравнительно небольшом количестве сочетаний с двухконсонантными группами довольно значительно количество трехконсонантных созвучий. Двухконсонантные группы осложняются согласными *л* и *р*.

в-ш / в-ч / в-ж / в-щ: «*Вещает свыше* к Моисею»; «*Я вижу вечну красоту*» (Лом.); «*Свежа, как вешняя заря*» (П.); *в-р-ш / в-р-ч / в-р-ж / в-р-щ*: «*А сам ворчал, сердясь не в меру: "Занес же вражий дух меня На распроклятую квартиру!"*» (П.); «*Вчера, в мечтах обвороженных*» (Т.).

к-ч / к-ш / к-щ / к-ж: «*Средь некошеной травы, Головой качая*» (А. Т.).

к-л-ч / к-л-ж / к-л-щ / к-л-ш: «*Колчан и лук, кинжал грузинский*» (П.); «*Вот миновал он колючий плетень*»; «*Видит на сакле колышется тень*» (Пол.); «*Какой же колокольчик Я сорвала! Лазоревый, а жилки Как шелковинка аленькая*» (Мей); «*Клячи с поклажею топали*» (Ес.).

к-р-ш / к-р-щ / к-р-ж / к-р-ч / г-р-ш / г-р-щ / г-р-ж / г-р-ч: «*У! как теперь окружена Крещенским холодом она!*» (П.); «*И кричит он, и ликует, И кружится все над ней*» (Т.); «*Доколе кориуну кружить?*» (Бл.); «*Над крышей летая, кричат молодые грачи*» (Н.); «*Горшок горячих, добрых щей*» (Д.).

л-ч / л-ш / л-ж / л-щ: «*ложные лучи*» (Лом.); «*лежали Лучи у наших ног*» (Ф.); «*Ложки блещут*» (П.); *с-л-ж / с-л-ш*: «*Служителя не слишком дорогого*» (П.); *м-л-ж / м-л-ч*: «*Сероглаз был высокий мальчик, На полгода меня моложе*» (Ахм.).

м-ч / м-ш / м-ж / м-щ: «*о мщенье помышляю*» (П.); «*Мечи гремят в десницах мощных*» (Ж.); «*Чтоб мечте невозможной помочь*» (Ф.); «*Клейменный мощною чумою*»; «*И хладно руку жмет чуме*» (П.); «*Сжимает грудь и возмущает чувство*» (А. Т.); «*Бурь порыв мятежный Рассеял прежние мечты*» (П.).

п-ч / п-ж / п-ш / п-щ / б-ч / б-ж / б-ш: «*В пучину вод опущена*»; «*Сбежали, как бешеные волки*» (П.); «*Бежишь, как бы почуя*» (Т.); «*Даром божьей пищи*» (Л.).

р-ш / р-ж / р-ч / р-щ: «*Рыща, ржет на поле конь*» (Д.); «*Вооружать и речь и взор*»; «*Долина с роцею прибрежной*»; «*Вершины роц и волны рек*» (П.); «*Ручьи текли, не парил зной, И зелень роц сквозила*» (А. Т.); «*Ты мои разрушил чары*» (Ахм.).

т-ч / т-ж / т-щ / т-ш / д-ч / д-ж / д-щ / д-ш: «*за чудо почитался*» (Кр.); «*Только чуткой чудится лилее*» (Пол.); «*тяжкой тучей*»; «*Дичится знатных и не тужит*» (П.); «*Дышать под сумраком дубравной тишиной*» (Ж.); «*в душистой тиши*» (Ахм.); «*И стали от дождя душистей*» (Кр.); «*Лишь молча точит свой дурман Да тушит черные наплывы*» (Ан.); «*Да голос мой душе твоей Дарует то же утешенье, Да озарит он заточенье Лучом лицейских ясных дней!*» (П.).

п-р-ш / п-р-ж / п-р-ч / п-р-щ / б-р-ш / б-р-ж / б-р-ч / б-р-щ: «*Всем домом правила одна Параша: Поручено ей было счеты весть*»; «*Пружинны ржавые опять пришли в движенье*»; «*Осмотрен, вновь обит, упрочен Забвенью брошенный возок*»; «*На берег выброшен грозою, Я гимны прежние пою*» (П.); «*Мы не сердца под брачными венцами, Мы жребии свои соединим. Прощай!*» (Бар.); «*И мы уносились, обреченные оба На ущерб*» (Бл.); «*Нам ли, брошенным в пространстве, Обреченным умереть*», в этом же стих.: «*Я свободе, как закону, обречен*» (Мандельштам); «*Ой, прощайте, белы птахи, Прячьтесь, звери, в терему*» (Ес.); «*И, в памяти черной пошарив, най-*

дешь До самого локтя *перчатки*» (Ахм.). При рассеянном повторе: «*Опорожнены амфоры*» — «*Непорочными лучами*» (Т.); «Я на земле был брошен в яркий бал» — «Я обречен...» (Бл.).

т-р-ж / т-р-ш / т-р-ч / т-р-щ / д-р-ж / д-р-ч / д-р-щ: «Поэт! не дорожи любовью народной. *Восторженных* похвал пройдет минутный шум»; «На *стороже* я стою? Только в *очередь* мою» (П.); «Ее сестры *новорожденный* свет И небесам *восторженный* привет» (Бар.); «О, капли в ночной тишине, Дремотного духа *трещотка*, *Дрожа* набухают оне И падают мерно и четко» (Ан.).

Отмеченная Бриком пара *плач* — *печаль* встречается уже у Третьяковского и повторяется у разных поэтов XIX — начала XX в.: «*Плач* друзей *печальных*» (П.); «*Плачет, печалится, молится* богу» (Н.); «Над *печалью* нив твоих *заплачу*» (Бл.); «*Рыдайте и плачьте, печальные* струны» (Фофанов). Вторая распространенная пара *печаль* — *плечи* также встречается не только в поэзии XIX в.: «И *печаль* колчан с *стрелами* Заложила на *плечах*» (И. Козлов); «*Вся* в цветах, исполнена *печали*, К *плечу* слегка твоя склонилась голова» (Ф.), но и у поэтов XX в.: «...Склонясь над ней влюбленно и *печально*, Вонзить свой перстень в белое *плечо!*» (Бл.); «О, как *печален* был *одежд* ее атлас, И вырез жутко бел среди *наплечий* черных!» (Ан.); «Вполоборота, о *печаль*, На равнодушных поглядела. Спадая с *плеч*, окаменела Ложноклассическая шаль» (Мандельштам).

Других сочетаний, в которые входит один и тот же вариант созвучия, немного: «*хлопочет* и... *плачется, пчела хлопочет*» (Кр.); «*палач... хлопочет*» (Достоевский); «*Блуждаюй плющ*, как развешанный *плащ* иль завеса» (Майков); со вставкой согласного: «*Причалив, плачут* по весне Ночные облака», параллель этой фразе в стих.: «*Прочел* ту повесть, что *прошла* Тайком в ее мечтах» (Пол.).

Устойчиво сочетаются слова *плащ* — *плечи*: «*Плащ* изорван на *плечах*» (Л.); «*Плащом* твои *плечи* окутал», ср.: «Ты в синий *плащ* *печально* завернулась» (Бл.); «С *плащом*, ниспадающим с *плеч*» (Цветева); *плащ* — *шляпа*: «скоро Я *полечу* по улицам знакомым, Усы *плащом* закрыв, а брови *шляпой*» (П.).

Другие смешанные сочетания не имеют столь устойчивого характера: «С *палашами* на *плечах*»; «*Играет, плещется* волною, Хохочет, *плачет*, как дитя» (П.); «*Пляшут, блещут* мотыльки» (Ж.); «*Печаль... плещет*» (Л.); «Но для тех, кто *пляшет* или *плачет*» (Пол.); «Еще *рукоплещет* в райке глупец, Извозчики *пляшут* вокруг костров» (Мандельштам); «*Прельщает* пчелку золотую» (Бар.); «*прощальный плач*» (П., Бар.); «И на челе *печали* след Судьбы рука *запечатлела*» (Бар.).

В поэзии XX в. наряду с сочетаниями с одним вариантом созвучия: «*плеща по площадкам*»; «*сплющивая Плащи* тополей и стоков» (Пастернак); «*площади плещут*» (Маяковский), встречаются и размытые сочетания: «*пляшут, не плачут*» (Цветева); «Давно опочили в музее Те *шляпы* и башмачки» (Ахм.); «*Полночным куполом полощущий*» (Пастернак).

Пары *плачет* — *пляшет* и подобные часто встречаются при рассеянном повторе: «*Плачет* ребенок — *Пляшет* горбун под луною двурогой» (Бл.); «*Мечется и плачет*, как дитя больное В беспокойной люльке, озеро лесное — *Плещутся* русалки» (Мей); «*Брызжет и плещет*, и дале плывет — *Плачет* и молит, и бьется она» (Л.).

Кроме сочетаний с глухими и звонкими согласными, существует еще один, реже встречающийся тип сочетаний: трехконсонантные слова отличаются друг от друга и гласными и начальными согласными. Слова эти концентрируются вокруг нескольких групп согласных:

к-л-н / с-л-н / п-л-н / в-л-н / д-л-н: «Где под влиянием луны Все полна тайн и тишины»; «И челны на волнах лелеет» (П.); «Тихие долины полны свежей мглой» (Л.); «Волнуясь, хлынули с равнины» (П.);

в-л-ч / м-л-ч / п-л-ч / к-л-ч: «Колокольчик звонко плачет» (Вяз.); «Озеро молчит, влача туманы» (Бл.);

к-л-з / п-л-з: «Скользя, ползет за ворота» (П.);

к-в-р / с-в-р: «И коварнее северной ночи» (Бл.); *к-р-в / т-р-в*: «По окровавленной траве» (П.);

м-л-к / б-л-к / к-л-к: «Над допотопными лесами Мелькали маяки кругом; И дым их то вился столпом, То расстился облаками; И оживились леса; Скликались дико голоса Под их зелеными шатрами» (Л.);

б-л-д / к-л-д / с-л-д: «В прохладе сладостной фонтанов»; «...только утолим Сердечный глад мгновенным обладаньем, Уж, охладев, скучаем и томимся» (П.);

п-р-с / к-р-с: «Просторнее, грустнее мы сидим» (П.); «Преступный сон под сению палат, Корыстный труд пред тощею лампадой» (Л.); «Ты безобразен. Он прекрасен» (П.). В стихотворении Ахматовой «Я пришла к поэту в гости» это созвучие скрепляет вторую и третью строки первой строфы: «Воскресенье. Тихо в комнате просторной». Блок, отвечая Ахматовой, повторил это созвучие и усложнил его: «Красота проста» — Вам скажут, — Пестрой шалью неумело Вы укроете ребенка...» (ср. «И ты простой возжаждешь красоты»).

Изредка сочетаются слова с *б/в*: «Облаков неуловимых Волокнистые стада» (Л.); «Не кровельщик, не корабельщик» (Мандельштам), *ж/з*: «Мог удержать смятенье и мятеж; Передо мной они дрожали в страхе; Возвысить глас измена не дерзала» (П.), *р/л*: «Замолк и засыпает Померкиший пруд в овраге»; «Прямо смотрю я из времени в вечность И пламя твое узнаю, солнце мира» (Ф.).

В некоторых гнездах языкового паронимического фонда слова с глухими согласными явно преобладают над словами со звонкими согласными. Эта закономерность отражается и в стихотворной речи.

Соотношение чистых и смешанных сочетаний для разных групп согласных не одинаково. Некоторые группы часто входят в сочетания чистых типов (например, *п-л-т, п-р-т*), другие — по преимуществу в сочетания смешанного типа (*г-б-л, м-г-л, п-л-т*): «Прострется облак благовонный»; «Волнистой облака грядой Тихонько мимо пробегали»; «Героев полк за облаками» (Д.); «Облака благоуханья»; «Под ризой белых облаков» (Ф.); «капля блага» (П.); «в блеске голубом» (П.); «И колыбель твою благословить» (А. Т.); «Голубой прозрачный полог» (Пол.).

Активность группы ограничена возможностями языка. Например, группа согласных *м-г-л* включает в себя слова *могила, мгла, могла, мигала*, которые соответственно входят в сочетания «могильная мгла» (Ж.); «Ежели одной моей могилой Могла бы я тебя от казни искупить» (П.), при рассеянном повторе: «Могильным

голосом урод Бормочет мне любви признание... И между тем она, Руслан, Мигала томными глазами» (П.). Сочетаний смешанного типа значительно больше: «Сей холм — могила» (Ж.); «На холмах Грузии лежит ночная мгла» (П.); «Как мотылек, дождем прибитый, Едва мелькая в бурной мгле»; «я схожу к морю сонному, Слово тучками, мглою далеких вершин Окаймленному» (Пол.); «Зеленое сукно — цвет малахитов тины, Весь в пепле туз червей на сломанном мелке», ср. в этом же стих.: «Вы страшны нежностью похмелья» (Ан.); «Не будь хамелеоном, Что по стене мелькает вверх и вниз» (Бунин).

Гнездо с группой *м-л-д* содержит очень небольшое количество слов; в основном эта группа объединяет иноязычные слова: *медаль, модель, мелодия, миндаль, мандолина* и т. п. Чистых словосочетаний с этой группой согласных очень мало: «Так думал молодой повеса» (П.); «Дар молдаванки молодой» (Л.). Чаще встречаются смешанные сочетания *м-л-д / м-л-т*: «Мальтийский крест и множество медалей» (А. Т.); «Младая кровь играет; Смирять себя молитвой и постом» (П.).

Переход от одного варианта созвучия к другому — один из принципов организации строки у Пушкина. Многие строки такого типа представляют собой обычные языковые сочетания: «глазами Ленского искала», «Приехать завтра до рассвета», «Своим приездом поразить», «В ней сердце долго не страдало»; «И усидела за столом» и т. п.

У Пушкина слова с одним вариантом созвучия довольно часто разделены менее полным соответствием: «Невольно к этим грустным берегам Меня влечет неведомая сила. Все здесь напоминает мне бывшее И вольной красной юности моей Любимую, хоть горестную повесть».

На переходах от одного варианта созвучия к другому строятся некоторые строфы «Евгения Онегина»: «Теперь у нас дороги плохи, Мосты забытые гниют, На станциях клопы да блохи Заснуть минуты не дают; Трактиров нет. В избе холодной Высокопарный, но голодный Для виду преискурант висит И тщетный дразнит аппетит, Меж тем как сельские циклопы Перед медлительным огнем Российским лечат молотком Изделье легкое Европы, Благословляя колеи И рвы отеческой земли. Зато зимы порой холодной Езда приятна и легка. Как стих без мысли в песне модной, Дорога зимняя гладка. Автомедоны наши бойки, Неутомимы наши тройки. И версты, теща праздный взор, В глазах мелькают, как забор».

Почти все слова отрывка имеют близкие или далекие (и с точки зрения звучания, и с точки зрения расстояния) соответствия: *плохи — блохи — циклопы — благословляя; холодной — голодной — холодной — гладка, медлительный — молотком, легкое — колеи — мелькают, минуты — модной — Автомедоны — неутомимы; теперь — перед — приятна, дороги — трактиров — дороги — тройка, на станциях — заснуть, мосты — земли — зимы — мысли — зимняя, высокопарный... преискурант — праздный — забор, тщетный — теща, зато — езда, версты — взор*.

Слова, которые не имеют соответствия в отрывке, имеют их за его пределами: слова *дразнит, для виду* соотносятся с предшествующим текстом: «Раздвинем горы, под водой Пророем дерзостные своды, И заведет крещеный мир На каждой

станции трактир». Если сравнить этот отрывок с черновым вариантом, видно, как возникают эти непрерывные переходы от одного варианта созвучия к другому:

Хвастливый преискурант висит (уединенный, коварный)
И тщетно дразнит аппетит
Покамест сельские циклопы По рву иль под крутым м(остом)
Российским лечат молотком Изделье легкое Европы Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

Слова, не имевшие звуковых соответствий в первоначальном варианте, приобретают их (*молотком* — *медлительным*, *преискурант висит* — *высокопарный* и т. п.). Одновременно сгустки рассредоточиваются, и те созвучия, которые первоначально были выдвинуты в центр *покамест* — *мостом* — *земли* — *зимняя* — *мысли* — *музы* — перемещаются на периферию.

На чередовании слов с глухими и звонкими согласными строятся пары и ряды и у других поэтов: «Труба пастушья *поутру* Еще не пела звонко, И в завитках еще в бору Был *напоротник* тонкий» (А. Т.). На переходах из одной тональности в другую основан звуковой аффект лермонтовской «Русалки», который создают не только переливающиеся друг в друга плавные: *плыла, полной луной, доплеснуть, пену волны, пела*, но и цепочка: *голубой, колебала, облака, пары крутятся — крутых*, которым в следующей строфе соответствуют: *играют — города; ср. берегов — рыбок*.

Разные варианты созвучия могут чередоваться друг с другом, объединяться в пары, которые сменяют друг друга, иметь кольцевое расположение: «...Дымится свиток и *сгорает*, И огонь, *сокрытый* и глухой, Слова и *строки* пожирает, Так *грустно* тлится жизнь моя...» (Т.).

Сочетаемость отдельных слов отражает вариативность согласных. Такие сочетания, как: «*Дымятся* серым дымом *домы*» (Д.); «*Легкими* кольцами *дым* *подымался*» (Ж.), с одной стороны, и такие, как: «В туманном отдаленье *темно, смутно* Являлося минувшее ему» (Л.); «*Томителен* и жгуч был *темный* воздух» (Ф.), — с другой, существуют на фоне сочетаний иного рода: «*туманный дым*» (Ж.); «*Дым* сольется с *темнотой*» (Т.); «*Дымятся* синие *туманы*» (П.); «за *дымкою туманной*» (Ф.).

Слово *дума* сочетается со словами *смутная, мятежная, томиться*: «Сидел, *томясь* привычной *думой*»; «*томительная дума*» (П.); «Тревогу *смутных дум* устроить»; «в *задумчивости томной*»; «*мятежной думы* полный» (Бар.); «И *смутился* тогда *думой* крепкою» (Л.).

Демон попадает то в соседство со звонкими согласными: *надменный* (Л.), *надумил* (Ж.), *дым*: «Есть *демон* утра. Дымно-светел он» (Бл.), — то в соседство с глухими согласными: «*Пришлец туманный* и немой» (Л.). В стих. Лермонтова «Мой демон» заглавие связано с началом стихотворения, которое в варианте 1829 г. звучит так: «Собрание зол его стихия. Носясь меж *дымных* облаков», — а в варианте 1831 г.: «Носясь меж *темных* облаков». У Фофанова сопоставлены *домовой* и *демон*, у Фета: «Пред безглазым *домовым*, *Темным* призраком немым».

Объединение слов на основе звуковой смежности или контраста — последовательный принцип сочетания их в строке. Этот широкий синтетический принцип, учитывающий разные возможности звуковых вариаций, оставшись устойчивым на протяжении XVIII—XIX вв., по-разному отразился в творчестве разных поэтов, в большей или меньшей степени определив особенности звуковой организации стиха. Такие поэты, как Фет, у которого смешанные сочетания занимают очень большое место, и Некрасов, тяготеющий к сочетаниям чистого типа, окажутся на разных полюсах.

Сочетания слов с разнокачественными согласными характеризуют не только поэзию XVIII—XIX вв. Они неоднократно встречаются и в XX в., у поэтов с развитой паронимией: «Где с железа ночь согнал *Каплей коплennyй* сигнал, *И колеблет всхлипы* звезд В *апокалипсисе* мост, Переплет, цепной обвал *Балок*, ребер, рельс и шпал» (Пастернак).